

Е. П. ЧЕРВИНСКИЕ

СВОБОДА ЛИЧНОСТИ В МИРЕ ИДЕЙ ДОСТОЕВСКОГО

1

Достоевский настолько самобытен, что установить единство его художественного мира, выделяя характерные особенности творчества как на уровне содержания, так и на уровне формы, казалось бы, не представляет большой трудности. Однако исключительная сложность и глубина его произведений, в которых на равных правах противостоят антагонистические идеи, затрудняют задачу исследователя. И сегодня приходится слышать мнение, что при желании любую из ведущих антагонистических идей в творчестве Достоевского можно объявить «главной», что посягательство представить «единого» Достоевского чревато опасностью его упрощения.

Против такой точки зрения на творчество Достоевского, как известно, в свое время высказался еще А. В. Луначарский. Он предупреждал, что «полифонизм» произведений писателя не должен заслонять «объединяющей» концепции или объединяющей эмоции, которая вряд ли может отсутствовать в действительно могучей индивидуальности.¹ Это же отмечают большинство исследователей сегодня, уточняя полифоническую сущность творчества Достоевского.

Практически решить проблему единства художественного мира Достоевского, как и другого любого писателя, вероятно, можно, лишь обнаружив *основу*, определяющую внутреннюю взаимосвязанность антагонистических идей, основу, устанавливающую иерархию в сфере элементов, образующих цельность творчества.²

В художественном мире Достоевского исходной точкой, с которой оптимально связано решение всех проблем, вершиной, с которой падает ответ на все остальное, на наш взгляд, является *свобода личности*. Исключительная роль этой идеи в творчестве Достоевского признается большинством исследователей, указывающих на ее социально-исторические истоки. Это дает нам возможность сосредоточить все внимание на мотивах, позволяющих

¹ Луначарский А. В. Собр. соч., т. 1. М., 1963, с. 164.

² Точка зрения автора на единство художественного мира писателя излагается в кн.: Червинские Е. Единство художественного мира. А. П. Чехов. Вильшос, 1976, с. 7—34.

квалифицировать идею свободы личности как основу единства художественного мира Достоевского.

Мечта о праве, о способности каждого стать личностью определяет основные особенности уже раннего творчества Достоевского. Он начал свой творческий путь с того, что взялся за изображение самого что ни на есть рядового человека, человека «массы» и показал в нем пробуждение личности. Решиться на роман с таким героем, как Макар Девушкин, писатель мог лишь признав способность «маленького человека» к самоанализу и анализу жизни, способность к развитию и осознанию себя как частицы целого. «Чувствами и сердцем я человек!» — гордо заявляет первый герой Достоевского. Голос пробуждающейся личности слышен даже «в складках ветопки» («Двойник»). Этот аспект изображения человека, не исключая детей, стал главным во всех произведениях писателя.

С точки зрения рассматриваемой нами проблемы важно обратить особое внимание на «Записки из Мертвого дома». В силу специфики жанра в «Записках» авторская идея раскрывается наиболее непосредственно. Это произведение — итог многолетних, исключительно напряженных размышлений.

Уже самим заглавием акцентируется значение свободы личности как непрерывной предпосылки всякой живой жизни: *мертвым* домом называется тюремная крепость потому, что здесь отсутствует *главный элемент живой жизни* — свобода, что люди здесь обезличены. Из картин тюремной жизни становится очевидным, что «почти всякое самовольное проявление личности в арестанте считается преступлением», что здесь «вынужденное общее сожительство», вынужденный труд «из-под палки». Этой идеей объединяются самые разные сцены тюремной жизни, таким образом создается единство целого и утверждается, что без «своей собственной внутренней жизни», которая складывается помимо «официальной», немислима жизнь вообще, даже в тюремных условиях.

В преступниках из народа Достоевский акцентирует «не приятие, а чувство собственного достоинства» и убеждает, что «арестант ужасно любит <...> уверить даже себя, хоть на время, что у него воли и власти несравненно больше, чем кажется». Он инстинктивно стремится к «возвеличению собственной личности, хотя бы призрачному» (4, 121 и 66).

Все герои «Записок из Мертвого дома» показаны как неповторимые, сугубо своеобразные индивидуальности. С нескрываемой симпатией в них раскрывается проявление личного начала, с прощей рассказчик говорит о безответных, «от природы» забытых людях, способных «уничтожить свою личность». Портрет Суилова занимает особое место в портретной галерее Достоевского как воплощение начала безличности. «Он был не высок и не мал ростом, не хорош и не дурен, не глуп и не умен, не молод и не стар, немножко рябоват, отчасти белокур. Слишком определи-

тельного о нем никогда ничего нельзя было сказать», — говорится о Сухиллове (4, 59). Автор категорически заявляет, что «всякий, кто бы ни был и как бы он ни был унижен, хоть и инстинктивно, хоть бессознательно, а все-таки требует уважения к своему человеческому достоинству», что «никакими клеймами, никакими кандалами не заставишь забыть его, что он человек» (4, 91).

Проводя аналогию между каторгой и «волей» в крепостнической России, когда рабство защищалось законом, причиной гибели сил и талантов автор объявляет отсутствие свободы: «... сколько сил и таланту погибает у нас на Руси иногда почти даром, в неволе и тяжелой доле!» (4, 128).

В мире идей Достоевского одной из главных «соперниц» выдвигаемой нами доминанты является вера. Однако Достоевский не может принять веры, не доказав, что «одна из самых основных идей христианства <...> признание человеческой личности и свободы ее (а стало быть, и ее ответственности)» (XI, 315). Писатель находит нужным доказывать, что вера в бога как вера в абстрактный идеал, пусть даже самим человеком выдуманный, что Достоевский допускает, не унижает человека, не ущемляет его свободы. О подчиненности веры идее свободы личности свидетельствует то, что вера для Достоевского прежде всего и почти исключительно Христос. А Христос Достоевского — это модель идеальной свободной личности.

Несоответствие созданного Достоевским идеала личности мистическому облику Христа сразу было замечено. К. Леонтьев, сравнивая отношение к религии Победопосцева и Достоевского, отмечал, что Победопосцевым «Христос познается не иначе как через церковь», а Христос Достоевского, «по-видимому, по крайней мере до того помимо церкви доступен всякому из нас, что мы считаем самыми существенными положениями и безусловными требованиями православного учения приписывать Спасителю никогда не высказанные им обещания „всобщего братства народов“, „повсеместного мира“ и „гармонии“» (II, IV, 434).

Создавая «свой» облик Христа, Достоевский прежде всего старается согласовать проповедуемую им идею «жертвы» с идеей свободы личности. «Добровольно положить свой живот за всех, пойти за всех на крест, на костер, можно только сделать при самом сильном развитии личности. Сильно развитая личность, вполне уверившаяся в своем праве быть личностью, уже не имеющая для себя никакого страха, ничего не может и сделать другого из своей личности <...> как отдать ее всю всем, чтоб и другие все были точно такими же самоуправными и счастливыми личностями. Это закон природы...» — настаивает Достоевский (5, 79).

Призывая человека к «смирению», писатель по существу провозглашает идею отказа личности от своих «прав»: «... бунтующая и требующая личность прежде всего должна бы была все свое я, всего себя пожертвовать обществу и не только не требо-

вать своего права, но, напротив, отдать его обществу, без всяких условий». Но при этом Достоевский непременно старается убедить, что самопожертвование не ведет к обезличению, наоборот, поступая так, «не надо быть безличностью, но именно надо стать личностью, даже гораздо в высочайшей степени, чем та, которая теперь определилась на Западе» (5, 79).

Достоевский доказывает, что это не противоречит свободе человека, а предопределяется ею: «... самовольное, совершенно сознательное и никем не принужденное самопожертвование всего себя в пользу всех есть, по-моему, признак высочайшего развития личности, высочайшего ее могущества, высочайшего обладания, высочайшей свободы собственной воли» (5, 79). Таким образом, исключительно характерная для Достоевского идея самопожертвования утверждается им путем проверки ее «соответствия» с идеей свободы личности.

2

Достоевский был противником крепостничества. Идея освобождения крестьян сблизила его с Белинским, Петрашевским, Спешевым, Некрасовым. Однако в 1860-е годы идея свободы ставится Достоевским по-своему. Его прежде всего волнует *духовная* свобода человека. Он протестует против порабощения личности, против унижающей человеческое достоинство зависимости от чужой воли, против отсутствия возможности гармонического развития «всех». Впрочем, уже в показаниях следственной комиссии, рискуя своей жизнью, вред крепостничества Достоевский доказывает, защищая право каждого «быть самим собой», свободно выражать свое мнение, мыслить, искать.

Свое неприятие капитализма Достоевский мотивирует тем, что это лишь новая, более изощренная форма порабощения личности: «Человек без миллиона есть не тот, который делает всё что угодно, а тот, с которым делают всё что угодно» (5, 78). Его беспокоит то, что в капиталистическом мире человек *обезличивается*: семья становится «бракосочетанием капиталов», продаются таланты, честь, красота, главное — деньги способны обеспечить «ординарность» властью над людьми. Для Достоевского в высшей степени характерна оценка капитала, «золота» как унижения и насилия над человеком. «Золото — грубость, насилие, деспотизм», — заявляет писатель и напоминает, что в капиталистическом мире сильные побеждают, слабые служат «материалом» для «ротшильдов». А «миллионы людей, оставленные и прогнанные с пиру людского <...> чтоб не задохнуться в темном подвале», ищут выхода в пьянстве, в дешевых развлечениях разврата, происходит самое страшное, по мысли Достоевского: «потеря сознания» народа — «систематическая, поощряемая» (5, 71).

Достоевский опасался также, что «насильственное уравнение» обезличит людей, и доказывал, что «никакая польза не заменит

своеволия и прав личности», что каждому «самому по себе лучше, потому полная воля», что «все дело-то человеческое, кажется, и действительно только в том и состоит, чтобы человек поминутно доказывал себе, что он человек, а не штифтик», что человек часто поступает вопреки своей выгоде, зато «сохраняет нам самое главное и самое дорогое, то есть нашу личность и нашу индивидуальность» (5, 115).

Идеальным обществом Достоевский считает общество, которое способно предоставить каждому «как можно больше личной свободы, как можно больше самопроявления» (5, 80). Единение личности с обществом представляется ему как обоюдный процесс: личность добровольно отдает себя целиком обществу, а общество отвечает тем же и обеспечивает свободное, гармоническое развитие личности. Упрекая социалистов своего времени в том, что они «от человека слишком много требуют пожертвований как от личности», Достоевский требует «всего себя пожертвовать обществу <...> без всяких условий». Но суть различия он видит в *добровольности* «жертвы», в том, что личность «по своей воле» отказывается от своих прав и не требует их «с мечом в руке». Прогнозируя будущее, Достоевский неизменно руководствуется идеей свободы личности.

«Самопроявление» личности ставится Достоевским в зависимость от состояния общества: «... в грубом, неустроенном состоянии общества оно проявляется со стороны этой личности грубо и даже дико, а в обществе уже развившемся — нравственно-гуманным, сознательным и совершенно свободным подчинением лица выгодам всего общества и обратно» (XII, 55).

Принцип свободного выбора, добровольности кладется Достоевским и в основу допускаемого им неравенства в обществе будущего в силу неодинаковых способностей индивидов. Но разницу он видит в том, что тогда менее талантливые люди служить «шекспирам» будут «своей волей».

3

Поставив во главу своих духовных поисков идею свободы личности, сын XIX века, Достоевский неизбежно столкнулся с проблемой социальной детерминированности свободы. В реалистических художественных образах писатель раскрывает обусловленность характера средой, но именно он подчеркнуто демонстрирует и обратную связь — воздействие человека на среду, свободу выбора. «Пора бы нам перестать апатически жаловаться на среду, что она нас заела. Это, положим, правда, что она многое в нас заедает, да не все же, и часто хитрый и понимающий дело плут преловко прикрывает и оправдывает влиянием этой среды не одну свою слабость, а нередко и просто подлость, особенно если умеет красно говорить или писать», — читаем в «Записках из Мертвого дома» (4, 142).

Достоевский протестует против прямолинейного и одностороннего утверждения влияния среды на человека. Это, как он сам это объясняет, в идеалистической концепции личности привлекает то, что вина возлагается на человека, «тем самым признается свобода его». Квалификация свободы воли как предпосылки личной ответственности человека — характерный аргумент Достоевского в защите им свободы личности.

Исключительный интерес Достоевского к нравственному «закону» также обусловлен утверждением им свободы личности. Не случайно разгадывание «тайны» человека, занимавшее писателя всю жизнь, сводится в основном к выяснению прочности нравственных основ. Достоевского интересуют нравственный облик человека («подлец ли человек?»), новые источники морали при иссякании прежних («только как он будет добродетелен без бога-то?»), амплитуда «взлетов» и «падений» человека («очень уж широк человек»), сопряжение «берегов» добра и зла, исход борьбы «бога с дьяволом», ареной которой является «душа человека». Писатель всемерно подчеркивал значение «краугольных камней» нравственности. Воспоминания детства, светлый идеал, высокий пример, любовь к красоте, перспектива бессмертия и т. п. в творчестве писателя выступают в роли силы, способной удержать человека от дурных поступков без насильственного воздействия на него извне. Сила совести — важнейшая нравственная ценность, утверждаемая Достоевским во всех произведениях. Ею доказывается право человека на свободу, способность совладать с нею. Писатель страстно выступает против шигалевско-инквизиторского утверждения о том, что «без деспотизма еще не бывало ни свободы, ни равенства», поскольку люди не способны разделить хлеб добровольно и всегда будут вынуждены жертвовать свободой.

Проблема свободы личности, преодоления остатков крепостничества в сознании людей занимала и других русских писателей — современников Достоевского. Вспоминается восприятие свободы чеховским обывателем: когда ему говорят, что в будущем человечество будет обходиться без паспортов и смертной казни, он недоверчиво спрашивает: «Значит, тогда всякий может резать на улице кого угодно?» («Ионыч»). «Низкая душа, выйдя из-под гнета, сама гнетет. Фому угнетали — и он тотчас же ощутил потребность сам угнетать; над ним ломались — и он сам стал над другими ломаться», — говорит герой Достоевского и показывает трудность пути к свободе человека (3, 13). Как отмечает В. Г. Одинокоев, «Достоевский тонко подметил парадоксальную трансформацию тезиса „свобода личности“, превращающуюся в свободу насилия».³

Проследив путь от «безграничной свободы» к «безграничному деспотизму», раскрывая диалектику превращения «своей

³ Одинокоев В. Г. Художественная системность русского классического романа. Новосибирск, 1976, с. 177.

воли» в «своеволие», Достоевский выступает принципиальным противником обособленного индивида, «сверхчеловека», противником буржуазного индивидуализма, эгоистического самоутверждения личности («после меня — хоть потоп», «свету провалиться, а чтоб мне чай пить», забота лишь о «своем» кафтане и т. п.). Наблюдая, во что превратилась *liberté* в буржуазном обществе, Достоевский критически отнесся к абстрактному представлению о «свободе» личности. Он нащупывал путь к конкретному решению проблемы, понимая, что свобода — не в отрицании личностью общественных и нравственных связей, а в их деятельном утверждении.

Позиция Достоевского при решении им проблемы свободы личности определялась признанием им равного права всех на свободу, права всех на всестороннее, гармоническое развитие, а это по самой своей сущности противоречит идее индивидуализма. «Я никогда не мог понять мысли, что лишь одна десятая доля людей должна получать высшее развитие, а остальные девять десятых должны лишь послужить к тому материалом и средством, а сами оставаться во мраке» (XI, 173). Нет основания слово «никогда» в этом признании Достоевского в «Дневнике писателя» за 1876 год ставить под сомнение.

«Преступление гроби» детерминированной обществом свободы Достоевского почти исключительно интересует как ущерб чужой свободе. Именно этот аспект самоутверждения личности прежде всего исследуется им. Принцип «всё позволено» демонстрируется писателем как пагубные над чужой и своей личностью, крайними проявлениями которого показываются убийство и самоубийство, а между ними — множество вариантов духовной тирании.

Главная суть героев Достоевского обычно выражается способностью быть «самим собой». Писатель изобрел множество определений для обозначения степени свободы личности — от «бого-человека» до «человекобога», от «наполеонов» до «веточки», а между ними — средний человек, ординарность, человек как все, винтик, штифтик, боящийся собственной независимости, враг личности и свободы, лакей мысли, вечно жаждущий подчинения чужой воле, маленький подчиненный, маленький фанатик, сбялюбивая мразь, тварь дрожащая, плюгавенький человек с загнанными самолюбием, маскирующий свою личность, раздавленный, забитый, человекья вошь, полная безличность и т. д. и т. п.

Как мы пытались показать, любая из главных идей в художественном мире Достоевского обнаруживает тесную связь с идеей свободы личности и, как правило, находится в зависимости от нее.⁴ Этим в основном определяется монолитность его произведений и единство всего творчества.

⁴ Выдвигаемое в статье положение подтверждает наш разбор повести «Кроткая». См.: Гашкене-Червинскене Е. «Кроткая» Ф. Достоевского. — *Literatura*, Вильнюс, 1975, XVI (2), с. 29—42.

Р. О П И Ц

ЧЕЛОВЕЧНОСТЬ ДОСТОЕВСКОГО (РОМАН «ИДИОТ»)

Приходится выразить сожаление, что Т. Манн дал своему эссе о Достоевском заглавие: «Достоевский, но в меру». По авторскому намерению, оно должно было подчеркнуть, что его цель — предисловие к книге, включающей всего лишь шесть небольших произведений великого русского писателя, и что эти скромные масштабы издания требуют известных ограничений также и от автора комментария. Впрочем, они представлялись ему не столь уже нежелательными: взявшись за работу о Достоевском, постыдно избежать опасности написать о нем целую книгу. Однако выбранное Т. Манном заглавие впоследствии не раз получало превратное толкование. Его воспринимали как предостережение в духе некоторых других афористически заостренных формулировок. Лупачарский, например, закончил серию своих статей о Достоевском выводом: «Если мы должны учиться по Достоевскому, то никак нам нельзя учиться у Достоевского».¹ Такая концовка не соответствовала всему богатому содержанию его эмоционально современных размышлений. Хотя рассматривались все «за» и «против» Достоевского, но в конечном счете «против» явно перевешивало: не учитывалось, что подобная антиномия исключала возможность диалектического подхода к литературной традиции. При этом цитировалось полемическое замечание М. Горького: «Достоевский — гений, но злой гений наш».²

Однако все это имело свое оправдание в духе времени. В период между первой русской революцией и началом мировой войны Горькому пришлось обратить все силы своей огромной личности на разоблачение того интеллектуального мещанства, которое рядилось в обрывки цитат из Достоевского, прикрывая ими свое ренегатство, свои призывы к терпению и шовинизму.

¹ Лупачарский А. В. Собр. соч., т. 1. М., 1963, с. 195.

² Горький М. Собр. соч., т. 24. М., 1953, с. 147.